На одной из крыш

Вера Казимировна Кетлинская

SHOUT
SHARE
IT

- Кетлинская Вера Казимировна

Кетлинская Вера Казимировна
На одной из крыш

Вера Казимировна КЕТЛИНСКАЯ
НА ОДНОЙ ИЗ КРЫШ
Рассказ

Первый снаряд упал посреди мостовой и забрызгал улицу кусками штукатурки и битым стеклом. Второй снаряд оторвал у большого дома угол крыши, и водосточный желоб повис над улицей, как носик гигантского чайника. На панели осталась лежать женщина с кошелкой, из разбившейся бутылки растекалось соевое молоко, розовея от крови.

Аня стояла на чердаке у слухового окна - здесь был ее пост. Разрывы снарядов приближались. Каждый казался последним, но следующий был еще ближе и оглушительней. Дом содрогался, как человек, и серая пыль слетала со стропил.

Аня отошла в глубь чердака и прижалась к шершавой стенке дымохода. Дымоход казался надежной защитой после оголенности слухового окна. Разрывы перенеслись куда-то подальше, в конец улицы. "Пронесло!" - подумала Аня. И тотчас вспыхнула тревога за сына, и захотелось сбежать вниз, к телефону, услышать в трубке голос сестры: "Все в порядке, а у тебя?" Но уйти нельзя было. Тогда она представила себе свою подружку Наташу. Наташа стоит внизу, у ворот ей, наверно, еще страшней.

Дом снова содрогнулся так, что дымоход закачался, к грохочущему звуку взрыва примешался тонкий звон лопающихся стекол. Аня обхватила руками дымоход и сказала себе: "Ничего, пронесло!" Но тут ее оторвало от дымохода и швырнуло в дальний угол чердака. Она не услышала разрыва и не поняла, что случилось. Приоткрыв глаза, поглядела вокруг, но в сплошной туче пыли ничего не увидела, и ей показалось, что она умерла или умирает, что смертный туман застилает ей глаза и сквозь смертный туман голосок сына говорит: "Ма-ма! ту-ту! ту-ту!" - и не знающие страха глаза радуются жизни, где каждый звук пленителен, даже звук артиллерийского разрыва...

По улице промчался мотоцикл, его треск был таким привычным и будничным, что Аня усомнилась в своей смерти и снова раскрыла глаза. Пыль оседала, в рваную дыру крыши падали наискось солнечные лучи, золотя порхающие пылинки. "Я жива, - поняла Аня и осторожно расправила руку, потом другую, - и руки целы... - Она слегка подвигала подогнувшейся ногой,

потом выпрямила ее, подвигала второй... - и ноги целы!" Она медленно приподнялась, села и во все стороны покачала корпусом, сперва очень осторожно, потом уверенней. "Я совсем невредима!" - поняла она, вскочила и почувствовала сильную боль от ушиба в бедре и в плече, но боль обрадовала, как признак несомненной жизни. И тут же чувство ответственности вернулось к ней: надо осмотреться, нет ли пожара или обвала.

Пожара не было, но снаряд пробил перекрытие и разорвался где-то в верхнем этаже. Она побежала туда, на бегу соображая, в какую квартиру он мог угодить. Искать не пришлось - дверь квартиры была сорвана с петель и будто положена аккуратными руками на перила лестницы. В передней путь перегораживала упавшая массивная вешалка. В комнате вся мебель была сдвинута с мест и висячая лампа под зеленым абажуром раскачивалась из угла в угол, как маятник. Среди обломков валялась раскрытая книга. Диван красного дерева был перевернут ножками вверх.

Аня подняла книгу. Шадерло да Лакло, "Опасные связи". Поискала, куда бы положить книгу в этом разгроме. Положила на столик, присыпанный штукатуркой. На стене увидела телефон. Было странно думать, что телефон может быть невредим, когда все кругом разрушено. Она пробралась к нему по хрустящему стеклу и набрала нужный номер. Голос сестры откликнулся раздраженно:

- Ну, что?

- Как у вас там, Катюша? Что дети?

- Укладываюсь, и ничего не влезает, - сказала сестра утомленно, - а дети мешают как могут. Витя! - крикнула она в сторону. - Сейчас же оставь мясорубку, прищемишь палец! Вот видишь, я укладываю, а они хватают. Приходи скорей, ради бога!

- У вас тихо?

- Приблизительно. А у тебя?

- Все в порядке, - сказала Аня и повесила трубку. Захотелось сесть и прикрыть глаза. Не видеть ни дыры в потолке, ни обломков на полу.

- Кто там есть, наговорились вы или нет? - раздался неизвестно откуда сердитый голос.

Аня испуганно оглянулась - в комнате никого не было.

- Потяните на себя, - снова сказал тот же голос. Диван зашевелился, как живой.

Аня потянула диван за ножки, он повалился боком на груду мусора. Незнакомый человек - морщинистый, серый, с близорукими глазами приподнялся и пошарил вокруг себя неуверенной рукой.

- Целы? - спросила Аня и села рядом, прямо на мусор и битое

стекло.

- Чего же вы сидите? - проворчал человек. - Поищите лучше мое пенсне.

Они вдвоем шарили по полу, щепками разметая колкий мусор. Когда Аня наткнулась на поблескивающую дужку пенсне, она была уверена, что стекла разбиты вдребезги и старик будет в отчаянии. Но стекла были целешеньки. Старик протер их рукавом, нацепил пенсне на переносицу и победно улыбнулся Ане.

- Между прочим, - сказал он, - убить и разбить гораздо трудней, чем кажется.

- Почему?

- А потому что и люди и вещи сопротивляются.

Он внимательно, с недоброй усмешкой оглядел свое разрушенное жилье. Казалось, он и не расстроен, и не подавлен - разбили, ну и что? И вдруг его лицо исказил ужас.

- Виолончель!

Аня проследила его взгляд. В углу, придавленный рухнувшей картиной в золоченой раме, виднелся продолговатый футляр. Аня хотела подняться, но почему-то совсем не было сил. Она доползла до угла и бережно высвободила футляр. Старик схватил его, и Аня увидела завернутый в шелковый платок инструмент, покоящийся на шелковой подушке. Дрожащие руки старика вынули виолончель и стали ощупывать ее легкими прикосновениями. Потом старик осторожно провел по струнам смычком, и морщинистое лицо его разгладилось, за стеклами пенсне блеснул добрый свет, серые губы зашевелились, словно подбадривая робкие звуки. Старик подкрутил колышки, снова несколько раз провел смычком, прислушиваясь, и вдруг из его окрепших движений смычком сложилась мелодия, похожая на отчаянную, томительную жалобу. Оттого, что эту жалобу выпевал мужественный низкий голос виолончели, она прямо-таки рвала душу.

- Что же вы плачете? - ворчливо спросил старик, обрывая мелодию.

- Это что?

- Элегия Масснэ.

- Пожалуйста, играйте, - сказала Аня, не стыдясь своих слез. - У меня сынишка уезжает.

- А вы?

- Что я? - огрызнулась Аня. - Работаю.

- Сколько лет сынишке?

- Три.

- А муж где?

- На Южном фронте...

Он покачал головой и тихонько тронул струны смычком, но играть не стал. Аня сидела рядом с ним на полу в разгромленной комнате и никак не могла подняться. Она только сейчас до конца поверила, что завтрашний день будет действительно завтра.

- По совести... устали? - неожиданно спросил виолончелист и спрятал инструмент в футляр.

- Вообще? Устала.

- И все-таки не хотите уезжать?

- При чем здесь хотенье?

Она встала и подала руку старику. У него снова было прежнее морщинистое серое лицо, и видно было, что он очень слаб.

- Я сейчас приведу людей. Убрать, навесить дверь. Вы здесь останетесь жить?

- Здесь.

С уборкой они провозились долго - три женщины из группы самозащиты. Особенно трудно было приладить дверь - взрывом перекосило дверную коробку. С дырой в потолке пришлось смириться.

- Вентиляция, - хмыкнул старик. - Это вы дежурите на чердаке?

- И я.

- Бегайте там потише, не пылите.

Когда она уходила, он крикнул вслед:

- Будет очень тошно, покричите в дырку. Поиграю.

Она добралась домой поздно. Сестра все еще не уложила вещи, в десятый раз перебирала их и заново решала, что оставить и что брать с собой, но самое необходимое все-таки не влезало. Дети уже лежали в кроватках, еще от двери Аня услыхала голосок Вити: "Ма-ма!" Она подошла, хотела наклониться и поцеловать сына, но поняла, что опять заплачет, и просто присела рядом. Витюшка смотрел сонно, очень ласково. И этого сонного взгляда она уже никогда не увидит... долго-долго не увидит... Он позовет: "Ма-ма!" - а ее не будет... Кто приласкает его, кто позаботится о нем? Катя? Но у нее своих двое, и разве ей придет в голову вот так посидеть рядом и поймать последнюю блаженную в предвкушении сна улыбку?..

Она вскочила и принялась помогать сестре. Когда они вместе, нажимая коленями на мешок, затягивали ремни, Аня наконец выговорила:

- Береги его, Катя...

- Ну а как ты думаешь? - ответила сестра. Немного спустя она сказала: - И чего ты себя мучаешь? Поедем, Аня! Ты же

поработала. Поедем.

- Знаешь, - сердито сказала Аня, - на фронте люди тоже повоевали.

- Но у тебя ребенок!

- А у них?

Потом она вдруг закричала на сестру:

- Ну что ты делаешь? Кто же так укладывает посуду? - вывернула все содержимое чемодана на пол и переложила по-своему.

Утром она побежала на работу, чтобы отпроситься у начальника провожать сына. Начальник внимательно посмотрел на нее и сказал:

- А если вам все-таки поехать с ним, товарищ Аня? Работать и там можно. На заводе, в колхозе. Право, а?

Аня зажмурилась и отчетливо представила себе раздольные поля незнакомого колхоза, а за полями холмы в темных шапках северных хвойных лесов и солнечное небо с пушистыми облаками, из которых не вынырнет ни один фашистский самолет. Возможная жизнь возникла перед нею так ярко, что она почти ощутила здоровую ломоту во всем теле от непривычной работы в поле и радость глубокого спокойного сна в ничем не потревоженной тишине тыловой ночи, когда слышно только мерное дыхание сынишки рядом.

- А вы? - резко сказала она. - Почему бы вам не поработать где-нибудь в колхозе, а не в Ленинграде?

Дома ее захватила суета предотъездных сборов. Потом она несла на руках сына, он был тяжел и вертелся во все стороны, ее руки дрожали от усталости, но тяжесть была сладка ей. Только бы подольше длился этот путь! У вокзала ей повстречался Вася Пирогов, паренек из заводского отряда всеобуча, она учила его приемам штыкового боя. Он удивленно воскликнул: "Уезжаете?" - а она ответила: "Протри глаза! Не видишь, своих провожаю!"

Ученики любили ее, она управляла ими властно и весело. Уже много десятков молодых бойцов ушли от нее на фронт. Физкультурница и добрый товарищ, она готовила их к войне как могла, заботясь о точности их боевых приемов в воображаемой схватке лицом к лицу с врагом. Была ли она виновата в том, что война совсем не похожа на ту, которой она умела обучать их! Ей много писали и с фронта, и из госпиталей, писали сердечно и деликатно, не желая огорчать, и все же было понятно, что противотанковые и зенитные орудия теперь нужнее штыков, и многие ее ученики погибли или получили ранения, так и не увидев немца в лицо. Что ж, эти письма она тоже приняла "на вооружение", присаживалась к своим бойцам после занятий и

читала то одно письмо, то другое, иногда запросто рассказывала им о муже, о сынишке, о Ленинграде, о том, что по его улицам никогда не ступала нога завоевателя... Ее никто не учил этому, но она понимала, что гораздо важнее приемов штыкового боя - подготовка к войне их нервов и воли, что в затяжной оборонительной страде второго военного лета они должны чувствовать, что за ними - несдающийся Ленинград, с его поредевшим, но закаленным и беззаветным гражданским гарнизоном. Она знала, что для каждого из них Ленинград дорог не только в целом, но и в каких-то особых частностях, придающих ему очарование родного дома. Своя улица, двор, где играл в детстве, чужой подъезд, где впервые поцеловал подружку, близкие люди, которых надо защитить во что бы то ни стало. Она догадывалась, что для многих парней она сама - частичка Ленинграда, они называют ее "наша девушка" и верят, что она выстоит до конца, не устанет, не согнется... Голодной зимой некоторые из них добирались до города и приносили ей сухарь, ломтик сала, кусочек сахара в обрывке газеты. Они приглядывались к ней - похудела-то как! Она отвечала: ничего, запасец есть, выдержу! - и знала, что они вернутся в часть и расскажут товарищам - держатся ленинградцы! Так разве можно обмануть их, предать, сказать своим бегством: "устала"?

Задумавшись, она не сразу заметила, что Витюшка привалился к ее плечу и спит крепким неодолимым сном. Так она и донесла его спящим до вокзала и до той дальней запасной ветки, где стоял эшелон, и берегла его сон в мучительной сутолоке посадки. А потом, когда Катя кое-как втиснулась в теплушку, толкая перед собою детей, и уже сверху повернула к Ане истомленное, потное лицо, и протянула руки - давай! - Аня даже не успела поцеловать сынишку и сонного передала сестре, и тут же потеряла обоих из виду, потому что в теплушку влезали новые семьи, и Катю оттеснили вглубь, и только перед самым отходом эшелона Катя выглянула через чужие головы и плечи, и Аня, стыдясь своих слез и своей просьбы, отчаянно крикнула: "Сбереги его, Катюша!.." Весь ряд теплушек дернулся, заскрежетали колеса, людей качнуло - и Кати уже не было видно...

Она побрела через Литейный мост. Остановилась у перил. Невская вода блеснула зеленоватым и розовым закатным блеском, она долго не могла поднять глаз от этого покачивающегося блеска, а когда подняла, Кировский мост и Ростральные колонны за ним расплылись в блестящих кругах. Она испуганно вытерла слезы и оглянулась, но слезы набежали снова.

- Не полагается здесь стоять... гражданочка!

Боясь, что постовой заметит ее слезы, она торопливо пошла дальше, свернула на набережную, вышла на Дворцовую площадь. Площадь была прежней, война не тронула ее, и Ане вспомнилось, как они - студенты-физкультурники - показывали здесь после праздничного парада штыковой бой, и как получалось изящно и легко, и как не верилось, что может прийти настоящая война и веселое искусство будет проверяться боем... Она перебрала в памяти товарищей, участвовавших в показательном бою, - одни убиты, другие воюют или, как она, обучают бойцов.

Пронзительный свист над головой заставил ее ускорить шаги. Звука разрыва она не услыхала, очевидно, снаряды ложились где-то далеко. "Витюшки уже нет", - подумала Аня и впервые обрадовалась, и впервые осознала, как ей страшно было за него весь этот год. Она дошла до дому, невольно пригибая голову, когда над нею свистел снаряд. На лестнице остановилась. Ей представилась опустевшая комната, детская кроватка без матрасика, брошенный автомобиль, который не удалось всунуть в чемодан... Нет, нет, только не домой! Так куда же? На работу - поздно, в команде ее не ждут, пост на чердаке заняла Наташа... И так хорошо хоть один разок не стоять во время обстрела на крыше!

Через пятнадцать минут она все же поднялась на свой чердак и обняла Наташу.

- Проводила?

Аня быстро кивнула и спросила:

- Ты слыхала когда-нибудь элегию Масснэ?

- Это пластинка такая?

Аня склонилась над дырой, пробитой снарядом.

- Товарищ музыкант, вы здесь?

- Ну, здесь, - ответил ворчливый голос.

- Может, поиграете?

- Проводили?

- Ага.

Снаряды падали далеко. Аня выбралась через слуховое окно на крышу, села на теплое, нагретое солнцем железо. Отсюда, сверху, город был не таким, каким она привыкла видеть его, каким только что видела с моста, не прозрачным и легким, озаренным сиянием заката, а тяжелым, громадным, затаившимся. Мрачные тени уже легли между домами. Крыш еще касался скудный, догорающий свет, и в этом свете чернели провалы разрушенных зданий и рваные дыры от снарядов. Аня смотрела на раскинувшийся перед нею город с томящей нежностью и жалостью. Она улавливала его затрудненное, учащенное дыхание,

как дыхание страдающего человека, - а может быть, это доносилось постукивание метронома из репродуктора? Все равно, у нее теперь нет ничего и никого, кроме этого города, и его судьба - ее судьба. Что бы ни было.

В ее мысли незаметно вплелась музыка. Это не была вчерашняя отчаянная жалоба, полная тоски. Смычок срывал со струн такие сильные, гневные и требовательные звуки, как будто не одна виолончель, а целый оркестр будил, гневался и призывал к бою. И вдруг - словно распахнулось окно в полузабытый, спокойный мир. Журчал ручеек, птицы встречали восход, спящий ребенок потягивался и раскрывал глаза, не знающие ни страха, ни горя разлуки...

Старый музыкант играл в своем разгромленном жилище, подняв взгляд к рваной дыре в потолке. Наверху, над домами, посвистывали снаряды.

Аня сидела, обхватив руками колени, вслушивалась в эти звуки и верила, что все будет именно так, как подсказывает музыка, и надо только собрать силы и выдержать, во что бы то ни стало выдержать до конца.

Июль 1942 г.